

АЛЬБОМ ШИЗОФРЕНИКА

Комедия в жанре Киры Муратовой

Елена Стишова

Т О, ЧТО Кире Муратовой после нескольких попыток («Влюбленный милиционер», «Увлечения») удалось наконец сделать смешной «ужастик» и развеселить зрителей в Берлине и в Москве, — хорошая примета. Если автору «Астенического синдрома» и «Трех историй» при взгляде на нашу шизофреническую действительность скорее смешно, чем больно, и жалость к заблудшему человечеству пересиливает вполне понятный ужас от того, что себе позволяют его отдельные представители, значит, отпустило. Значит, можно жить дальше.

«Три истории», снятые четыре года назад, шокировали некоторых критиков: Кира Муратова («И ты, Брут!») порвала с гуманистической традицией! Муратова, мне кажется, всегда рефлексировала мифологию этой традиции. Одна из немногих художников, она всегда отдавала себе отчет в том, что этот мир состоит не из одного только добра. Не зря же ее фильмы так раздражали советскую власть. Эпоха цензурных запретов миновала, и тут выяснилось, что честность Муратовой и сегодня для многих совершенно непереносима. Особенно для любителей риторики. После документальных кадров живодеи в «Астеническом синдроме» неприлично как-то говорить о нашей «гуманистической традиции».

Путь Муратовой в последнее время все больше напоминает искания позднего Толстого, чей духовный нонконформизм в конце концов навлек на себя гнев синода. К месту вспомнить и «Буревестника» Максима Горького с его Лукой, лукавым старцем-утешителем. И тогда полемичность последних муратовских фильмов — начиная с «Астенического синдрома» — обозначится в классической для русской культуры оппозиции: между «последней правдой» и утешительной ложью. Муратова выбрала первое. Точнее, «последняя правда» выбрала ее как самую бескомпромиссную.

Что ж, все истинные художники — невольники своего дара. Кира Муратова все хотела сделать что-то легкое, несерьезное, смешное. А сквозь ее хотение, сквозь причудливость и изысканную красоту поэтического строя прорывается — и прорывается — опыт человека, слишком глубоко познавшего нашу реальность. «Второстепенные люди» тоже не «чистая» комедия. Это комедия в жанре Киры Муратовой. С ее фирменными мотивами, образами и навязчивыми идеями. Они бы но прорастают поперек стройного сюжета варьирующе-

Кира Муратова и Андрей Вайда после вручения ей специального приза от «Филип Моррис» на фестивале «Фридом» в Берлине.

го стереотипы европейской «черной» комедии со скелетом в шкафу и трупаками, которых некуда спрятать. Главный мотив — «никто никого не любит» — принимает во вербальные, то визуальноеобразные формы чисто муратовской экспрессии. Но ничуть не вредит смеховому началу. Мужчина врасос целуется с обезьяной, а его возлюбленная поясняет: «Она его так полюбила, как человек любить не умеет». Участковый врач интересуется у ведущей ток-шоу: «Правда, что вы своих слушателей ненавидите?.. Что они вам осточертели?» — «Да, осточертели», — соглашается усталая теледива. «Картинка» в исполнении оператора Геннадия Карюка, постоянного соавтора Муратовой, — изысканного качества. Нуворинский кич соседствует с композициями из старинных тяжелых рам, копий античных бюстов и знаменитых полотен Вермеера, Тициана и Рембрандта. «Новый богатый» сvez в недостроенный дом все, что удалось нахапать.

Муратова — единственная из современных киноклассиков, кому достает смелости делать фильмы о реальности, в которой мы живем здесь и сейчас. И лишь она одна владеет языком описания этой реальности. Этот язык — по ту сторону расхожих представлений о реализме. Но именно он выражает реальное содержание нашей действительности.

Которую и впрямь умом не понять.

История же, которая прочно держит все эти смыслы, при всей фантазмагоричности проста, как дважды два, и подозрительно похожа на жизнь (сценарий Киры Муратовой, Сергея Четверткова, Евгения Голубенко). Представьте себе участкового врача, который, выйдя от умирающего пациента, с особой нежностью взирает на мир божий. В этот момент слияния с жизнью и умиленной расслабленности его хватает цепкой рукой молодая женщина, молящая о помощи. Ей самой не сладить с пьяным бойфрендом, который грозит поджечь дом. Давший слаbinу врач (Сергей Четвертков) оказывается в недостроенном коттедже со следами ворованной роскоши. Неловкое движение, и пьяный навзничь падает на каменный пол — врачу остается констатировать смерть. Это завязка. Далее труп становится двигателем сюжета. Его надо куда-то деть. Не идти же в милицию, в самом деле.

По ходу дела в сюжет втягиваются умонепостижимые реалии нашей жизни. Это стороннему глазу они кажутся чистым сюрреализмом, порождением буйной авторской фантазии. Но мы-то знаем: это все про нас. И новенький, с иглолочки поселок «новых богатых» с пропеллинами колдобин и миргородских луж, по которым местные жители гоняются за во-

пьяшей свиньей. И кичевый Спас в раме мерцающих, как на елке, лампочек в шикарном доме телевизды. И ставший «крутым» бывший школьный учитель литературы, решивший отомстить наконец своему ненавистнику — физруку (ныне киллеру) за то, что тот в свое время нарочно составлял ему плохое расписание: урок—окно, урок—окно, урок—окно... Связанный физрук лежит с заклеенным ртом в багажнике белого лимузина, а порешить его должен телохранитель словесника. Он же брат-близнец нечаянно убитого накануне мужчины, который...

Плотностью драматургической вязи — петля в петлю — фильм напоминает балладу про дом, который построил Джек. Учитель словесности, кликуха Жан, и есть владеец недостроенного дома, где временно обитает непрописанная Вера, работник местного отделения связи, сожительствовавшая, надо понимать, с обоими братьями. Теперь один из них ждет своего часа в шкафу, втиснутый в сумку на колесиках. Брошенная на произвол судьбы врачом-убийцей, красавица Вера (Наталья Бусько похожа на Джулию Робертс, только красивее) сама должна решить типовую проблему XX века: куда девать труп. И тут на авансцене появляется жизнерадостный шизофреник Миша из дурдома, что напротив почты. Миша (Филипп Павов) готов помочь Вере и идти с ней до конца. И действительно, долговязый шизик тащит тяжеленную сумку аж до самой камеры хранения, где владельцы багажа получают номерок. Только Верочке невдомек, что у обитателя дома скорби тоже своя корысть. Он — фетишист, то есть коллекционер всего, что попадет под руку. И серебристый номерок оказывается каким-то чудом у него в носке, а потом — в альбоме, где он хранит свою коллекцию. Вере все-таки удается выкрасть номерок и забрать близнеца Васю из камеры хранения. Правда, с большим скандалом. Потому что оказался он живой.

А дальше — хеппи-энд по полной программе. Любимые муратовские старухи, румяные, как девушки на выданье, сверкая металлическими улыбками, будут внимать старинному романсу. А счастливый Миша станет листать свой альбом, набитый всевозможным кичем, и дивной красоты коллаж — репродукции живописи, открытки, обложки журналов, газетные вырезки, печатные объявления, билетики, оброненный кем-то ключ, спичечные этикетки etc. — постепенно заполнит все экранное поле. Тут-то мы и догадаемся, что наша жизнь в основных ее проявлениях годится лишь на то, чтобы стать экспонатом в коллекции шизофреника.